

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Санкт-Петербургский филиал

На правах рукописи

ЗАДВАЕВ Бадма Сергеевич

**ЗАПАДНАЯ МОНГОЛИЯ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

Специальность 07.00.09 – «Историография, источниковедение и
методы исторического исследования»

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2006

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Работа выполнена в секторе тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук.

Научный руководитель:

кандидат исторических наук
Кляшторный Сергей Григорьевич

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук
ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКАЯ Маргарита Иосифовна,
кандидат исторических наук
АФОНИНА Екатерина Николаевна

Ведущая организация:

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской Академии наук

Зашита состоится «12» мая 2006 г. в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д.002.041.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН по адресу:

191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН.

Автореферат разослан «11» апреля 2006 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Французов С.А.

Актуальность исследования. Западная Монголия на протяжении длительного времени занимала важное место в исследованиях отечественных ученых: географов, этнографов, геологов, историков, биологов, языковедов. Исследования Западной Монголии имеют большую ценность не только как источник наших знаний о природе, истории и этнографии региона, но и как важный этап развития российской науки, свидетельство углубления и совершенствования научных методов в изучении стран зарубежной Азии. На примере исследования русскими путешественниками Западной Монголии в XVIII-XX вв. наглядно видно, как происходило становление отечественного востоковедения (в частности, монголистики и тюркологии), археологии, этнографии и антропологии, развитие многих направлений в естественных науках. Обширная географическая область, до того времени представлявшаяся “белым пятном” на карте Азии, о которой имелись лишь самые поверхностные и противоречивые сведения, стала центром апробации методов профессиональной науки – местом, где в ходе многолетнего опыта рождались современные география и источниковедение. Актуальной задачей является последовательный анализ истории развития отечественных исследований Западной Монголии, накопления и систематизации научных данных об этом регионе, этапов возникновения, хода и итогов основных научных дискуссий по проблемам монголоведения. Большая часть литературы, посвященной истории исследования Западной Монголии, носит характер тематических сборников (например, исследования в области физической географии или антропологии) или персоналий (биографии Н.М. Пржевальского или П.К. Козлова), но при этом практически отсутствуют работы, в которых изучение региона рассматривалось бы в качестве единого целого, а также, что очень, важно, в качестве неотъемлемой части общего состояния отечественной науки того или иного периода. Основное внимание историографов было обращено к так называемому “героическому

периоду” исследования Западной Монголии (связанному с путешествиями Н.М.Пржевальского и его учеников), при этом несколько в тени оставались фигуры более раннего этапа исследований, а также представители профессиональной востоковедной науки, пришедшие на смену пионерам “героического периода”. Кроме того, в имеющейся историографии довольно редки попытки рассмотрения контактов России и Западной Монголии в комплексе: так, например, описания путешествий Н.М. Пржевальского и Г.Н. Потанина обычно стоят особняком от изучения наследия Н.Я. Бичурина и А.М. Позднеева, а исследования Г.Г. Грумм-Гржимайло и Б.Я. Владимирцова образуют третью, также обособленную, группу. Безусловно, такая дифференциация отчасти была вызвана спецификой самих работ названных авторов, однако все же их нельзя рассматривать и в отрыве друг от друга – все они составляют часть общего процесса сложения и развития российской монголистики. В настоящей диссертационной работе основное место будет уделено истории изучения Западной Монголии как последовательного и органичного целого.

Степень разработанности проблемы. Данной проблематике был посвящен ряд работ, преимущественно отечественных авторов. Сведения о первых контактах русских путешественников и исследователей с жителями Западной Монголии приводятся в трудах Н.Я. Бичурина, Н. Бантыша-Каменского, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Б.П. Гуревича, И.Я. Златкина, Л.Р. Кызласова. Особенную ценность представляет собой сводный многотомный труд Г.Е. Грумм-Гржимайло – первая в отечественной науке исследовательская работа, специально посвященная истории Западной Монголии. В этом сочинении собрано и проанализировано наследие нескольких поколений российских ученых, занимавшихся исследованием данного региона. Г.Е. Грумм-Гржимайло сообщает сведения практически обо всех крупных путешественниках, дипломатах, военных деятелях, купцах, естествоиспытателях, которые в разное время побывали в Джунгарии и внесли свою лепту в ее изучение. Он указывает основные работы этих авторов,

критически пересматривает высказанные ими взгляды, а также описывает процесс возникновения “науки о монголах” в России. Характерной особенностью работы Г.Е. Грумм-Гржимайло является ее энциклопедизм – методологический принцип, в рамках которого автор рассматривает целый комплекс научных направлений (историю, этнографию, географию и т.д.) Г.Е. Грумм-Гржимайло является автором наиболее полного систематизаторского труда по истории изучения Западной Монголии в XVIII-XIX вв. Все последующие работы в этой области так или наче были связаны с этим фундаментальным исследованием.

В книгах Н.Я. Бичурина и Н. Бантыша-Каменского основное внимание уделено посольским контактам России и Китая, в которых значительное место всегда занимал вопрос статуса Монголии (в т.ч. Западной). Н.Я. Бичурин приводит сведения о связях России и Западной Монголии в XVIII-XVIII вв. по архивным данным. Период XVIII - первой половины XIX вв. освещен в работе Б.П. Гуревича. Критический анализ эпохи первых исследователей Западной Монголии содержится в обзорных трудах И.Я. Златкина и Л.Р. Кызласова.

Большая литература посвящена истории русских географических открытий в Западной Монголии, истории первых научных экспедиций и биографиям их руководителей. Среди работ этого плана следует назвать книги С.С. Семенова, А.И. Алдан-Семенова, Л.С. Берга, В.В. Григорьева, П.К. Козлова, В.Р. Дмитриева, А.Н. Самойловича, Ю.К. Ефремова, А.Г. Грумм-Гржимайло, А. Азатьяна, С.В. Житомирского, Т.Н. Овчинниковой, Я.Ф. Антошко, А.И. Соловьева. Наиболее подробно описан вклад в исследование Западной Монголии Н.М. Пржевальского, П.П. Семенова-Тян-Шанского, П.К. Козлова, Г.Н. Потанина, Г.Е. Грумм-Гржимайло, М.В. Певцова, В.И. Роборовского. В ряде случаев биографиями выдающихся путешественников этого периода становились их спутники и ученики – так, например, П.К. Козлов написал очерк жизни и деятельности своего учителя Н.М. Пржевальского, а А.Г. Грумм-Гржимайло – своего

предшественника и наставника Г.Е. Грумм-Гржимайло. Работы этого круга близки беллетристике – путешествия и научные открытия предстают в них как часть увлекательного повествования о первоходцах Центральной Азии. Тем не менее, все они содержат ценную информацию о научной направленности тех или иных экспедиций, подчеркивают большую роль, которую сыграли результаты этих экспедиций в решении многочисленных проблем, стоявших перед исследователями того времени, демонстрируют развитие системы отечественных знаний о Западной Монголии. Чрезвычайно важными являются наблюдения авторов указанных работ над двояким характером российских исследований в Джунгарии: которым, с одной стороны, была присуща углубляющаяся специализация, дифференцированность изысканий (разделение геологических, археологических, этнографических, языковедческих экспедиций, формирование основ отечественной монголистики), а с другой – увеличивающаяся комплексность, многоаспектность подхода к решению целого ряда вопросов (исторические исследования, социально-экономическое обозрение региона, изучение духовной жизни монголов, фольклористика). В свете подобных наблюдений “героический этапа” исследования Западной Монголии представлял как закономерное продолжение работ предшествующего периода и необходимый фундамент классических работ отечественных монголоведов конца XIX – первой четверти XX вв.

Период исследования Западной Монголии профессиональными учеными (преимущественно монголоведами, но не только) освещен в работах В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, В.М. Алексеева, В.И. Дулова, И.Я. Златкина, С.Ф. Ольденбурга, В.А. Обручева, Г.Н. Румянцева, Д. Каэрртерса, О. Лэттимора. Достаточно подробно описана научная деятельность в этот период Г.Е. Грумм-Гржимайло и П.К. Козлова, академика Б.Я. Владимирцова, Д.А. Клеменца, Е.Н. Клеменц и других участников Орхонской экспедиции под руководством академика В.В. Радлова, А.М. Позднеева, В.А. Обручева и некоторых других

исследователей. В данном случае работы, посвященные названным выше ученым, не ограничивались их беллетризованными биографиями, а представляли собой анализ собственно исследовательского наследия выдающихся российских и советских специалистов по Западной Монголии. Внушительную историографию обрела отечественная монголистика – т.е. этнография, языкознание и археология монгольских народов. Несколько меньше работ в данный период было посвящено истории географических, биологических и других естественнонаучных изысканий в Западной Монголии. Значительная часть последних утратила характер монографических исследований и превратилась в составные части специальных справочников и словарей. Основные параметры наших сведений о Западной Монголии и ее жителях к концу первой четверти XX в. были уже определены. Были составлены относительно полные карты региона, исследована его флора и фауна (в меньшей степени – полезные ископаемые), история и культура местного населения, религиозные представления, вопросы демографии и хозяйства. Начинался период углубленного исследования различных частных проблем, рассматривавшихся, однако, как части единого целого. Понятие о Западной Монголии как целостной экологической и культурно-исторической системе сложилось в отечественной науке именно в начале XX в. Используя и совершенствуя это понятие, советские исследователи более позднего периода смогли добиться впечатляющих успехов в изучении региона, расширить и укрепить информационную и методологическую базу своих исследований. Это явление стало закономерным итогом сложного процесса развития отечественных представлений о природе и народонаселении Западной Монголии, который охватывал более трех веков.

Предмет исследования. Предметом нашего исследования избраны труды отечественных исследователей Западной Монголии XVIII - начала XX вв. Эти сочинения имеют разнообразный характер: научные монографии и статьи, материалы экспедиций, дневники, письма, отчеты посольств и дипломатических миссий,

записки путешественников, хозяйственные документы, статистические сборники, материалы военно-стратегического характера, записи фольклора, факсимильные издания и переводы средневековых письменных памятников на монгольских языках, тексты дипломатических договоров, эпиграфика, результаты археологических раскопок, описания коллекций предметов изобразительного искусства, оперативные донесения таможенных чиновников, публицистика и многое другое. В качестве дополнительных материалов использованы были архивные коллекции фотодокументов, топографические карты и атласы, работы иностранных путешественников в Монголии и Тибете.

Таким образом, хронологические рамки работы охватывают период приблизительно начала XVIII – первой четверти XX вв. Основное внимание уделено периоду XIX – начала XX вв.

Цели и задачи исследования. В связи с избранным предметом исследования устанавливаются цели и задачи настоящей работы. Исследование преследует несколько основных целей:

- в хронологической последовательности проследить историю исследования Западной Монголии российскими учеными и путешественниками;

- выделить основные научные проблемы, стоявшие перед исследователями Западной Монголии, и показать, каким образом эти проблемы определяли характер исследования региона;

- показать преемственность в рамках процесса российских исследований Западной Монголии;

- обосновать научное значение исследований Западной Монголии XVIII – начала XX вв. для советской и современной науки.

Для достижения указанных целей ставились следующие задачи:

- подробно описать основные имеющиеся исследования по нашей теме (их цели, структуру и содержание);

- выявить общие проблемы, стоявшие перед авторами данных исследований, и рассмотреть, как происходило решение этих проблем в диахронической последовательности;

- определить основные направления отечественных исследований в Западной Монголии (географическое, этнографическое, историческое, языковое);

- рассмотреть процессы специализации и интеграции в отечественных исследованиях Западной Монголии.

Источники. Исходя из указанных целей и задач работы, нами был отобран круг исторических источников. Он включает в себя рукописные памятники XVIII в. (отчеты посольств, путешественников и купцов); научные и иные публикации XVIII в. (историков, дипломатов, чиновников); работы XIX в. (преимущественно записки путешественников-географов и этнографов), работы начала XX в. (научные исследования). В частности, нами были использованы сочинения В. Тюменца, В. Терского, И. Нашивошнико, С.Л. Владиславича-Рагузинского, Г.Ф. Миллера, Е. Пестерева, П.А. Чихачева, Е.Ф. Тимковского, Н.Я. Бичурина, С.В. Липовцова, Н.И. Любимова, П.П. Семенова-Тян-Шанского, Н.М. Пржевальского, П.К. Козлова, М.В. Певцова, В.И. Роборовского, Г.Н. Потанина, А.В. Адрианова, М.И. Венюкова, А.М. Позднеева, И.В. Щеглова, Н. Бантыш-Каменского, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Н.Н. Шнитникова, Ю.А. Головкина, Б.Я. Владимирцова, М.Н. Боголепова, В.В. Радлова, Д.А. Клеменца, В.Ч. Дорогостайского, Ю. Кушелева, И.А. Можаева, В.Л. Полова, В.А. Обручева, Г.Д. Санжеева. Работы названных авторов издавались неоднократно. С текстами большей части материалов XVIII вв. мы смогли ознакомиться по их позднейшим изданиям. Сводка и обзор практических всех источников по истории Западной Монголии на рубеж XIX – XX вв. содержится в капитальном труде Г.Е. Грумм-Гржимайло. Работы более позднего периода освещены в книге Б.П. Гуревича и некоторых других авторов. Масса ценных материалов содержится также в многочисленных энциклопедиях, словарях и справочниках, посвященных природе и истории Монголии.

Методология. Историческое исследование включает в себя систему разнообразных принципов, позволяющих наилучшим образом

выявить характерные особенности и закономерности рассматриваемых процессов. Для достижения поставленных целей в настоящей диссертации использовался сравнительно-исторический метод, согласно которому исследование строится по направлению от текста к историческим (политическим, социальным) явлениям. Поскольку данное диссертационное исследование базируется на письменных источниках, в работе применялись методы текстологии и источниковедения, а также теории и практики истолкования текстов.

Научная новизна предлагаемой диссертационной работы заключается в постановке проблемы, т.е. привлечения внимания к истории отечественных исследований уникального в природном и историко-культурном отношении региона – Западной Монголии. История этих исследований, обычно предстающая в виде отдельных тематических изысканий и разрозненных научных биографий, будет нами рассмотрена как единый процесс, определяемый общим состоянием российской науки (и шире – всего российского общества) того времени. Нами была предпринята попытка показать, что собой представляли интересы России в Западной Монголии в различные периоды времени, и каким образом эти интересы влияли на формулировку проблем, ставившихся перед отечественными учеными и путешественниками.

Новым является также комплексный подход к истории изучения Россией Западной Монголии, в рамках которого история отдельных исследовательских дисциплин (как естественных, так и гуманитарных) рассматривается в едином контексте. История изучения Западной Монголии прослеживается не только в региональном и узкопрофессиональном ключе, но и в рамках общей истории российской науки и ее вклада в исследование обширных пространств всей Центральной Азии. В настоящем исследовании история исследования Западной Монголии рассматривается наряду с политическими, геостратегическими, экологическими, дипломатическими аспектами, в контексте взаимоотношений России с различными народами, населявшими данный регион. Выделяются

три основные этапа исследования Западной Монголии: период середины XVIII – начала XIX вв. (“военно-дипломатический период”); период экспедиций Н.М. Пржевальского и его учеников и современников (“героический период”); и период конца XIX – первой четверти XX вв. (“период профессиональных востоковедов”). **Теоретическая значимость** работы. В данном исследовании обобщаются и анализируются сведения об исследовании отечественными учеными Западной Монголии на протяжении трехсот лет. Рассматриваются основные направления этого исследования, его эволюция, научные дискуссии по различным проблемам. Особое внимание уделено истории формирования новой востоковедной дисциплины – монголистики. Важное место в настоящей диссертационной работе занимает вопрос многофункциональности проводившихся исследований, выявляются причины приоритетности тех или иных видов научной деятельности в рамках изучения Западной Монголии в определенные периоды времени.

В практическом отношении материалы и выводы диссертации могут быть использованы для написания спецкурсов, ориентированных на студентов восточных и исторических факультетов, связанных с историей изучения Западной Монголии в XVIII – начале XX вв., а также историей российско-монгольских отношений. Они могут быть использованы и для написания общих и частных работ по истории международных отношений в Центральной Азии.

Апробация исследования. Многие аспекты данной работы получили отражение в статьях и тезисах выступлений на семинарах и конференциях. По теме диссертации были сделаны сообщения на региональных историко-географических и этнографических конференциях в Элисте (2003) и Санкт-Петербурге (2004).

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы. Объем работы составляет 202 машинописные страницы. Список источников и литературы

включает в себя 140 наименований (130 – на русском и 10 – на иностранных языках).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* отмечается актуальность темы, ее научная новизна, подчеркивается теоретическая и практическая значимость, устанавливаются исследуемые проблемы, устанавливается выбор методов исследования, формулируются цели и задачи исследования, производится общий анализ степени разработанности рассматриваемого круга вопросов.

Глава 1. Первый научный этап в изучении Западной Монголии (середина XVIII – середина XIX вв.)

Первая глава посвящена отечественным исследователям и путешественникам в Западной Монголии XVIII – середины XIX вв.

По мере сближения владений России и Цинской империи развивались политические, торгово-экономические и другие связи между Русским государством и населением Западной Монголии, формировался взаимный интерес к культуре друг друга. Заинтересованность России в эксплуатации природных и иных ресурсов Западной Монголии быстро увеличивалась. Это вызвало создание первых экспедиций – “государевых отрядов”, члены которых должны были собирать любую информацию о регионе, которая в дальнейшем могла бы оказаться полезной. Эти отряды снаряжались за счет местных генерал-губернаторов. Так, в 1713 г. тобольский дворянин Ф. Трушников побывал в верховьях Черного Иртыша и обнаружил там месторождения “песчаного золота”. Опасаясь захвата джунгарских земель Цинской империей, Россия стремилась включить их в свою сферу влияния, однако этому мешали как происки китайской администрации, так и противоборство между собой различных джунгарских партий, одни из которых выступали за союз с Россией, а другие – против него. Направление исследований, которые в то время проводились в

Джунгарию русскими путешественниками, в основном ограничивалось областью военной, административной и политической, а также в небольшой степени – изысканиями геологического характера и описанием господствующего в Монголии типа хозяйства. Информацию собирали обычно послы и военнослужащие, которые возводили оборонные линии на границах с Джунгарией и Китаем.

В начале XVIII в. российское правительство стремилось к нормализации отношений с Китаем. С этой целью в Пекин в 1725 г. было снаряжено посольство графа С.Л. Владиславича-Рагузинского. Савва Лукич Рагузинский (1670-1738 гг.) был известным в то время российским дипломатом. Помимо прочих задач, царские власти интересовались вопросами расширения торговых связей России и Монголии, а также делом собирания более детальных сведений о русско-монгольской границе, в частности – о ее северо-западного участке. С.Л. Рагузинский использовал большое количество архивных данных, попавших в его руки, как в Монголии, так и в Китае, данные своих собственных наблюдений и сообщения русских купцов, промышленников и служилых людей, которым приходилось посещать Западную Монголию по своим надобностям. С.Л. Рагузинский подготовил докладную записку на имя императрицы Екатерины I, в которой дал обзор политического и военно-стратегического состояния северо-западной Монголии. В связи с этим С.Л. Рагузинский полагал, что русским необходимо поддержать джунгаров в их борьбе за независимость, а также установить с ними более тесные контакты в разных сферах. С.Л. Рагузинский получил возможность ознакомиться с документами, свидетельствовавшими о связях западных монголов с Россией, что значительно укрепило его позиции в переговорах с цинским правительством в Пекине, куда он приехал в конце 1726 г.

Именно Рагузинский первым в отечественной науке документально представил развитие русско-монгольских отношений в XVII – XVIII вв. Он установил, что государство Алтын-ханов, располагавшееся тогда на землях северо-западной Монголии,

оказалось втянутым в борьбу между восточными монголами и ойратами.

После миссии С.Л. Рагузинского в деле исследования русскими Западной Монголии наступил перерыв. Вызван он был, прежде всего, тем, что вступил в свою заключительную fazу драматический процесс завоевания этой страны маньчжурами, который завершился в 1758-1759 гг. Далее последовало размежевание на новой российско-китайской границе, вдоль которой были учреждены караулы. Служащие этих караулов и стали источниками сведений о состоянии дел в Западной Монголии в конце XVIII в., и среди них – геодезист Егор Пестерев, собравший много интересной и полезной информации о прилегающих к русской границе областях, хотя сам он и не являлся ни историком, ни этнографом, ни путешественником. Несколько раз Е. Пестерев лично посещал маньчжурские караулы и мог наблюдать жизнь и быт западных монголов воочию. Пестерев служил на границе 9 лет (с 1772 по 1781 гг.) и опубликовал свои наблюдения в виде воспоминаний в 1793 г. в журнале “Новые ежемесячные сочинения”. Его сведения касаются в основном монголов, проживавших на крайнем севере Джунгарии, в лесах, и мало касаются обитателей юга Западной Монголии. Преимущественно он описывает население современных Дзавханского, Хубсугульского, Баян-Улэгейского и Убсуунурского аймаков.

Ойратские князья, отмечает Е. Пестерев, получали свои хошуны и сумоны от маньчжурского императора, хотя обыкновенно это были их старые родовые земли, право, владеть которыми лишь подтверждалось китайской стороной. Однако против ойратов были в XVIII в. предприняты и многочисленные меры карательного характера. Так, например, часть ойратских земель была захвачена у их прежних владельцев и передана во владение лояльным маньчжурам князьям Сайн-нойоновского (халхаского) аймака. На их землях был образован Бэйси-хошун. Земли в бассейне Шишхит-гола (т.н. Восьмиречье, или Секиз-Мурен), по рекам Шалык и Сортал были переданы князьям Цзасакту-хановского (халхаского) аймака.

Цзасакту-хан также получил в свое владение Самагалтай. По подсчетам Е. Пестерева, в прилегающих к его караулу монгольских землях около одной трети земель было юридически подчинено халхаским, а не западно-монгольским феодалам, хотя на них по-прежнему проживало ойратское население и на низовом уровне сохранялась власть прежних “ухерида”, чанги и дужуметов. Самы халхаские князья не жили постоянно на ойратских территориях, а посыпали сюда ежегодно своих представителей – *дарги* (староста, начальник), которые должны были контролировать действия местных властей, собираять налоги и осуществлять правосудие по уголовным делам.

Характер документов и иных материалов, собранных Е. Пестеревым, самый разнообразный. Тем не менее, основные сферы его интересов лежат вне области науки как таковой, а определяются его служебными обязанностями как государственного чиновника Российской империи и совпадают в общих чертах с интересами С.В. Рагузинского. Во многом совпадают и методы их исследований (вернее, сбора информации и ее обработки). Можно сказать, что С.Л. Рагузинский и Е. Пестерев выполняли одну и ту же задачу – работу по накоплению самых предварительных материалов о хозяйстве и культуре Западной Монголии, которые требовались российским властям для оценки ситуации в Центральной Азии, эффективного противостояния интересам Китая и Великобритании (с конца XVIII в. уже заявившей свои права в этом регионе) и налаживания своего экономического и политического влияния в Джунгарии. Однако выполняли они эту работу, решая во многом различные задачи. Так как Западная Монголия подчинялась Китаю, то в то время исследование данного региона представляло собой составную часть исследования Китая в целом (это особенно хорошо видно по работе С.Л. Рагузинского). Е. Пестерев, будучи пограничным чиновником, был более сосредоточен на вопросах отношений с Монгoliей, нежели с собственно Китаем, однако основное направление гео деятельности задавалось из Петербурга, а там рассматривали отношения с Джунгарией как рычаг воздействия

на Китай и своего рода карту в противостоянии с другими европейскими колониальными державами.

Следующий этап исследования Западной Монголии во многом связан с деятельностью Н.Я. Бичурина. Никита Яковлевич Бичурин (в монашестве Иакинф) (1777-1853 гг.) по праву считается “отцом российского китаеведения”. Но и заслуги его в области монголистики и тюркологии также чрезвычайно велики. Тогда как С.Л. Рагузинский и Е. Пестерев изучали запад Монголии в основном в аспекте экономической политики и административных отношений соответственно, Н.Я. Бичурин был первым профессиональным историком, попытавшимся проследить историю Джунгарии и ее населения на основе скрупулезного исследования источников. Научное наследие Н.Я. Бичурина огромно: по материалам китайских источников он проследил историю Центральной Азии (в том числе Западной Монголии) с древнейших времен до современного ему периода. В фундаментальных трудах Бичурина подробно описаны события (в основном политической и этнической истории) гуннского, тюркского, уйгурского, кыргызского, кара-китайского и ойратского периодов. Исследованию истории ойратов посвящена отдельная работа “Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV в. до настоящего времени”, увидевшая свет в 1834 г. В ней Бичурин, опираясь на китайские источники (преимущественно династийные истории и документы правительственного архива, а также Палаты внешних сношений) систематизировал большой и очень разнородный материал относительно населения Западной Монголии, его происхождения, истории, генеалогии правителей и т.д. Фрагменты источников он снабдил своими подробными комментариями. В изучении Западной Монголии произошел настоящий прорыв. Впервые все явления и факты из жизни ойратов можно было анализировать в свете данных об их историческом прошлом. Так как основная масса источников, освещавших прошлое западных монголов, была написана именно на китайском языке (хотя имелись и мусульманские источники), труд Бичурина стал просто кладезем уникальной информации по истории

Джунгарии. Этого своего значения он не утратил и по сей день. Русская наука в этом смысле сохраняет известное преимущество перед зарубежными научными школами монголистики, так как располагает таким капитальным изданием переводов разнообразных источников на русский язык.

После появления фундаментального труда Н.Я. Бичурина мемуарно-очерковая литература о Западной Монголии (подобная сочинениям С.В. Рагузинского и Е. Пестерева) отходит на второй план, тогда как видное, а в дальнейшем и ведущее положение в отечественной науке об этом регионе занимает направление, связанное с путешествиями по Джунгарии естествоиспытателей, этнографов, геологов, а также военных и торговых представителей различных российских учреждений. Иными словами, начинает преобладать “фундаментально-научное”, профессиональное исследование Западной Монголии, и эпоха “случайных наблюдателей” постепенно уходит в прошлое. Работы Н.Я. Бичурина на некоторое время оставляют незанятой и сферу архивно-источниковедческого, в подлинном смысле исторического изучения ойратов, так как объем и уровень исполнения его исследований удовлетворял всем потребностям того времени (в данной связи ситуация изменилась лишь к концу XIX в.). С другой стороны, следует отметить, что в ходе путешествий и экспедиций по Джунгарии проводятся первые археологические исследования местности и сбор материалов по фольклору, а также памятников на тюркских и монгольских языках, чего, конечно, не могло быть у Н.Я. Бичурина и что являлось очень ценным дополнением к его сведениям.

Григорий Николаевич Потанин был одним из пионеров исследования Западной Монголии. Путешествия Г.Н. Потанина, давшие науке огромный географический и, главное, этнографический материал, по своему характеру отличались от экспедиций его современников. Основное отличие путешествий Потанина по Северо-Западной Монголии от аналогичных экспедиций его современников заключалось в преимущественно

этнографическом характере его исследований, не требовавших больших затрат и большого числа участников. Г.Н. Потанин представлял собой тип ученого, сочетавшего в своей деятельности полевые наблюдения (как Е. Нестерев) и серьезную “академическую” обработку результатов этих наблюдений (как Н.Я. Бичурин). Можно сказать, что на данном этапе исследований в Западной Монголии он представлял собой вершину того метода исследования, который стал складываться в конце XVIII в., и одновременно символизировал исчерпанность этого метода, необходимость переключения внимания ученого сообщества с процесса сбора и описания данных на процесс их всесторонней интерпретации. Уникальность Г.Н. Потанина как раз и состоит в том, что он в своих работах отразил переориентацию интересов российской науки в Азии вообще, и в Западной Монголии в частности. С его именем не только заканчивается прежний этап исследований, но и открывается их новый этап. Во-первых, он одним из первых решительно отдал предпочтение экспедиционному методу исследования, настаивал на преимуществах личных наблюдений над данными, полученными из письменных источников (в этом, как признавал сам Г.Н. Потанин, выражалась реакция на господство в монголоведении предшествующего периода “безжизненного академизма” и “кабинетности”, которые во многом ассоциировались с именем Н.Я. Бичурина и исследователей его времени). Во-вторых, Г.Н. Потанин начал уделять чрезвычайно большое внимание изучению природных условий региона: его геологии, топографии, флоре и фауне, метеорологии, природным ископаемым, профессиональному составу населения и т.д. В каком-то смысле в своих поздних путешествиях Г.Н. Потанин знаменовал возрождение “прагматической” традиции в исследовании Западной Монголии, характерной для первой половины XVIII в., но уже как традиции, поставленной на прочный научный фундамент. Безусловно, такая эволюция русской научной мысли и деятельности в Западной Монголии привела к возникновению исключительно крупных достижений во всех областях знания о Монголии и

способствовала формированию многих новых научных школ. Этот поворот был связан с изменением экономической ситуации в самой России. Рост русской промышленности и торговли (в том числе в Сибири), представителем интересов, которых Г.Н. Потанин был в той же степени, в какой он являлся представителем российской науки, определял и направления его поисков в Центральной Азии, усиливая их естественнонаучный, прагматический или, как писал сам Г.Н. Потанин, “практический”, характер. В-третьих, Потанин был выразителем взглядов т.н. “сибирского областничества” – то есть культурного и политического движения, отстаивающего особую роль Сибири в русской истории, права населения Сибири на широкую автономию. Представители “областничества” рассматривали Сибирь в качестве своего рода Новой Америки, которую еще только предстоит колонизовать.

В заключение главы рассматривается деятельность Н.И. Любимова и некоторых других исследователей Западной Монголии данного периода.

Глава 2. Исследования в Западной Монголии Н.М. Пржевальского, его учеников и современников (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Вторая глава посвящена “героическому периоду” в исследовании Западной Монголии – эпохе путешествий Н.М. Пржевальского, его учеников и современников. В главе последовательно описываются и анализируются ход и итоги научных экспедиций Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского и П.К. Козлова.

Труды Н.М. Пржевальского ознаменовали собой начало нового, т.н. “экспедиционного” этапа в исследовании Джунгарии, основной отличительной особенностью которого было снаряжение комплексных экспедиций в данный регион, результатом которых становились фундаментальные издания всех сведений, собранных непосредственно в ходе этих экспедиций (физико-географических, геологических, климатологических, биологических, а также

исторических, фольклорных и языковых). Экспедиции Пржевальского явились для целого поколения его учеников образцом такого рода научного метода (при этом последователи великого путешественника усвоили и развивали также научное наследие Г.Н. Потанина и М.В. Певцова). Сам Н.М. Пржевальский в основном оставался исследователем Западной Монголии как географической страны (в первую очередь, ее топографии и животного мира), и в гораздо меньшей степени – местного населения, т.е. ойратов. В экспедициях его учеников (в особенности наиболее известного из них – П.К. Козлова) на смену столь узкой специализации пришла настоящая комплексность, сочетание исследования природы края с изучением жизни и быта его обитателей.

Н.М. Пржевальский открыл целую эпоху в исследованиях Западной Монголии. Его путешествия выдвинули русскую географическую науку на первое место в этой области, сделав имя исследователя всемирно известным. Пржевальский был по преимуществу “географом-разведчиком”, он в незначительной степени занимался экономическим и социальным укладом исследуемых им регионов. Главной задачей Пржевальского было исследование Монголии и прилегающих к ней стран в физико-географическом аспекте. Он занимался топографической съемкой, картографированием, сбором геологических образцов, метеорологическими наблюдениями, изучением местной флоры и фауны. Большую роль в экспедициях Пржевальского играл военно-разведывательный аспект: он изучал регион с точки зрения его возможного использования в качестве арены будущего военного противостояния и возможностей военной аннексии Россией его территории. Однако указанная специфика путешествий Пржевальского не означает, что произошло некое возрождение прежнего “экспансионистского” подхода в полном объеме. Напротив, как мы уже говорили, как раз в период деятельности Пржевальского и как раз в связи с его экспедициями произошли изменения в характере российского исследования Западной

Монголии (и Центральной Азии вообще). Эти изменения были вызваны реформами в самой России, которые придали новый импульс исследованиям. “Геополитический”, “стратегический” элемент в них по-прежнему оставался очень важным, но все же явственно обозначилось и другое направление поисков – экономическое, связанное с прогрессом русской промышленности и торговли (свидетельства чего можно увидеть уже в путешествиях Любимова и Потанина). Для этого этапа характерен процесс дифференциации прежних исследовательских программ. К последней трети XIX в. российская наука накопила большой запас сведений о Западной Монголии и создала целый арсенал средств по их изучению и интерпретации. Сведения и методы эти были разнородны, так как сформировались в различные исторические периоды с различными целями. Это были, прежде всего, данные по экономической географии региона и его хозяйственно-культурным типам (экономический аспект); во-вторых, информация относительно социально-политического и военного устройства региона (стратегический аспект); и, в-третьих, результаты исследований профессиональных ученых, т.е. данные так называемой “академической науки” (истории, этнографии, антропологии, лингвистики, религиоведения) (собственно научный аспект). В середине XIX в. они образовывали своего рода комплекс, основой которого были сведения стратегического характера, собранные и обработанные с помощью собственно научной методики. Экономическая информация занимала в рамках этого комплекса второстепенное место. В пореформенный период, данный комплекс задач и методов исследования Монголии пережил определенную эволюцию. Эта эволюция выразилась в растущей дифференциации дисциплин комплекса и их постепенным обособлением одной от другой. Наступил такой этап в деле исследования региона, когда разнообразие задач и направлений поисков настоятельно требовали появления специализации. “Экспансионизм”, политическая подоплека путешествий Пржевальского и ряда его учеников свидетельствуют о том, что

данное направление было не просто “возрождено” на пустом месте, а определялось общим усилением позиций России как мировой державы и активизацией ее политики в Центральной Азии. Специфика данного этапа в исследовании Западной Монголии состоит в том, что это время в рамках чрезвычайно широкой комплексности исследований (когда одна и та же экспедиция собирала данные практически по всем сторонам жизни региона) сложились и развивались дисциплины специализации, которые придавали той или иной экспедиции отличительный характер. В этом смысле экспедиции Пржевальского и Потанина схожи между собой в том, что они являлись экспедициями “всеохватными”, разноплановыми, нацеленными на описание исследуемой страны “целиком”, но в то же время уже имели четко выраженную специализацию: у Пржевальского – естественнонаучную и военно-политическую, у Потанина – этнографическую и хозяйственную. Иными словами, в многочисленных отчетах и публикациях по итогам экспедиций той поры можно увидеть, что, каковы бы ни были главные цели путешествия, его участники собирали всю доступную им информацию. Поэтому во всех отчетах обязательно есть разделы об орографии, о почвах, о торговле, о топографии, о хозяйстве, о религии, о демографии и т.п. Другое дело, что “удельный вес” этих разделов в отчетах разных экспедиций был разным, и это-то отличие определяло специализацию той или иной экспедиции. “Период Пржевальского и его учеников” был периодом максимального возможного развития специализации в рамках сохраняющегося комплекса (что нашло свое наиболее яркое выражение в трудах П.К. Козлова), кануном распада комплекса на отдельные дисциплины. В самой науке эти дисциплины к тому времени уже обособились, но в практике исследований их единство продолжало сохраняться. Тот же Пржевальский, например, свободно сочетал в себе интерес к дикой фауне Монголии, ее природным богатствам и условиям колонизации с заинтересованностью в решении историографических проблем, поставленных работами Н.Я. Бичурина, вниманием к вопросам языка и фольклора, близким

Потанину, исследованием религии монголов (которую изучал А.М. Позднеев) и даже с археологией. Следовательно, подчеркнутый “колонизационный”, стратегический характер экспедиций Пржевальского говорит не о восстановлении традиции Е. Пестерева (хотя и имеет с ней много внешне сходных черт), а знаменует собой новый этап в исследовании Монголии, на котором прежние направления поисков были модифицированы, переосмыслены и превратились из абсолютных доминант в приоритетные направления комплексного исследования, вовравшего в себя и переработавшего все наследие предыдущих поколений путешественников и ученых.

Среди учеников и спутников Пржевальского в познании Монголии наиболее глубокий след, без сомнения, оставил Петр Кузьмич Козлов, усвоивший и развивавший экспедиционные методы исследований своего учителя и расширявший их программу и район работ. Труды Козлова не потеряли своего значения до наших дней. Его главные книги – отчеты о Монголо-Камском и Монголо-Амдоском путешествиях – переизданы в 1948 году. В 1949 г. были изданы его дневники. К столетию со дня рождения путешественника в 1963 г. издан сборник его трудов, куда вошли “Отчет помощника начальника экспедиции”, статьи о Монголо-Тибетской экспедиции, письма и другие материалы. Неоднократно переиздавалась и написанная Козловым в 1912 г. о Н.М. Пржевальском. Вместе с окончанием экспедиций Козлова закончился целый этап в изучении Западной Монголии. Завершилась героическая эпоха “пионеров-первооткрывателей” региона, и начался период глубокого многоаспектного изучения всего комплекса слагающих его компонентов: истории, этнографии, филологии, социально-экономической сферы и религии ойратов, причем изучения, институционально специализированного. Начиналась эпоха профессиональных монголистов – людей, владеющих ойратским языком, знанием исторических источников, профессиональных археологов, фольклористов, этнографов. Исследования по физической географии и биологии Западной Монголии окончательно отделились от сферы гуманитарных

исследований. Этот переход наметился еще в трудах П.К. Козлова, который сочетал в своих изысканиях интерес к самым разным сторонам изучаемых им стран и народов, но окончательно осуществился только в начале XX века. Мы уже говорили о том, что с именем Козлова может быть связан наивысший момент развития того типа исследований в Азии, который отличался соединением единства изысканий (доставшегося в наследство еще от XVIII в.) с все более увеличивающейся специализацией этих изысканий. Наиболее яркое свое воплощение этот этап, безусловно, нашел именно в экспедициях Козлова. Исторически этот этап завершился к началу XX в., но хронологически он продолжался до середины 1920-х гг., так как поздние путешествия Козлова сохраняли в целом специфику его более ранних экспедиций. Вместе с тем фигура Козлова знаменует перелом в деле изучения Западной Монголии, знаменует канун распадения единого потока исследований на отдельные профессиональные “ручейки”. Эти процессы давно назрели, они проявились как заметные тенденции еще в эпоху Пржевальского. В 1930-е гг. научное и творческое наследие Козлова было временно “забыто”, хотя его имя всегда оставалось общепризнанным в советской науке. Любопытный поворот в оценке деятельности Козлова наступил после Великой Отечественной войны. В те годы в духе патриотической риторики возрождалось и возвращалось читателю многое из того, что раньше было запрещено или предано забвению. В 1948-1949 гг. были переизданы некоторые его важные труды, возобновилось изучение коллекций и дневников Козлова. Конечно, во многом этому способствовало лояльное отношение самого Козлова к советской власти, его безупречная в политическом отношении репутация, но большую роль в переоценке деятельности исследователя сыграло и то, что после войны начался новый этап в развитии советского экспансиионизма, который радикально отличался от утопических проектов 1920-х гг. и скорее напоминал империализм царской России, носивший характер расширения зоны своей политической гегемонии. Этот новый советский экспансиионизм объяснялся военными успехами

Советского Союза в войне (прежде всего – в войне на Дальнем Востоке), а также победой революционного движения в Китае, Корее и Вьетнаме. Китай (а значит, Синьцзян и Джунгария) попадал в сферу советских стратегических интересов, его территория становилась во многом также “советской” и требовавшей столь же пристального и всестороннего изучения, как и территории собственно Советского Союза. В свете этого нового политического положения исследования Западной Монголии, Восточного Туркестана и Кама, которые проводил в свое время Козлов, оказались весьма кстати и стали широко использоваться. Однако этот период относится уже к истории советской науки.

Одним из наиболее известных ученых-гуманитариев, посвятивших свою деятельность исследованиям в Западной Монголии, был Алексей Матвеевич Позднеев (1851-1920 гг.) Его основными работами были “Образцы народной литературы монгольских племен. Народные песни монголов” (1880 г.), “Монгольская летопись “Эрденийн эрихэ” (1883 г.), “Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу” (1887 г.), “Монголия и монголы”, т.1-3 (1896-1898 гг.). А.М. Позднеева можно считать продолжателем традиций путешествий Г.Н. Потанина и изысканий Н.Я. Бичурина. Он интересовался, прежде всего, этническим составом и религией монголов, а также их письменными памятниками и фольклором. Основное внимание А.М. Позднеева привлекали восточные монголы – халхасцы, но большое место в его трудах отведено и страницам о Западной Монголии.

Труды А.М. Позднеева сыграли большую роль в изучении истории и религии западных монголов. Его основной вклад заключается в публикации и переводах новых источников, эпиграфики, результатов ряда археологических изысканий, многочисленных этнографических фактов, сведений о быте ламаистского духовенства в Монголии, буддистском культе и литературе, обширного перечня фольклорных материалов (сказок, песен, героического эпоса, исторических сказаний, притч и легенд).

Деятельность Позднеева явственно свидетельствует о том, что прежние специализации в рамках общего комплекса исследований получили отныне самостоятельное значение и развитие. Например, изучение Позднеевым религии монголов, их фольклора, письменной литературы и этнографии уже не сочеталось больше с естественнонаучными изысканиями. Исследователь целиком сосредоточился на избранной им узкой проблематике и разрабатывал только ее. Те тенденции, что были заложены еще в экспедициях Потанина, в деятельности Позднеева выступают вполне оформленшившимися и самостоятельными явлениями. Впрочем, в работах Позднеева (что закономерно) можно найти “ниточки”, связывающие их с предыдущим этапом развития российских исследований в Монголии. Прежде всего, это касается самой методики исследования. Она носит почти исключительно описательный характер. Ценность этих описаний трудно переоценить, однако любые описания представляют собой все-таки лишь материал для обобщения, оценок и выводов – т.е. объяснений тех или иных явлений. Объяснения у Позднеева встречаются крайне редко, что указывает на его связь с методологией Бичурина, Потанина, Пржевальского и его учеников. Позднеев собрал огромный материал по устройству и быту буддийских монастырей (и буддийской церкви вообще) в Монголии, а также массу сведений об основах буддийской религии. Эти данные в его работах прекрасно изложены и структурированы. Однако мало где он занимается рассмотрением вопросов о причинах появления того или иного явления, о путях его эволюции, пытается объяснить значение ритуалов или символики. Иными словами, описания Позднеева имеют не “реконструктивный”, не исследующий генезис определенного явления характер, а характер построения морфологической типологии. Каждый элемент буддийской религии описывается сам по себе, как нечто раз и навсегда данное и неизменное. Функциональные его особенности хотя и описываются, но им не придается значение главного фактора в понимании возникновения и существования каждого такого элемента. Все эти

особенности методологического подхода Позднеева к изучению буддийской церкви в Монголии были унаследованы им от своих предшественников. Большой заслугой Позднеева является то, что он избегал прямолинейных и предвзятых оценок прошлого. Многие российские и зарубежные исследователи восточных религий XIX в. пренебрегали спецификой этих вероучений, рассматривали их доктрины и социальную практику упрощенно, схематично, трактуя многие черты этих религий в духе реалий христианской церкви. Позднеев от такого предвзятого отношения был уже свободен. Он не сводил буддизм в Монголии к каким-то стереотипам, выработанным в европейской традиции, избегал таких оценок этой религии, как “фаталистическая”, “апатичная”, “атеистическая” и т.п., справедливо полагая их невежественными. В этом смысле преимущественно описательный характер его работ, напоминающих своего рода “путеводители” по буддийской церкви в Монголии и “каталоги” предметов ее культа, является большим достоинством Позднеева как автора и исследователя и выгодно отличает его от многих вульгарных “толкователей” буддизма в XIX в. (вне зависимости от того, отвергали ли они его как “идолопоклонство” или, наоборот, всячески восхваляли как “путь подлинного мистического откровения”). Эта сдержанность Позднеева в оценках, его методология “архивариуса” представляли собой на самом деле шаг вперед по сравнению с исследованиями предыдущего этапа. В тот период еще не пришла пора объяснений и интерпретаций, тогда лишь продолжался сбор материала и его первичная обработка. Этую обработку и вел Позднеев. Это было единственное, что можно и нужно было предпринять в тот момент в деле изучения буддийской религии. Поэтому работы Позднеева вполне можно рассматривать как работы первого этапа того нового периода исследований Западной Монголии, который пришел на смену периоду экспедиций Пржевальского и его спутников. После него уже начались исследования “реконструктивного” плана – исследования Грумм-Гржимайло и Владимицова. Деятельность Позднеева оказалась очень полезной для развития российской науки и должна быть

оценена высоко. Труды этого исследователя занимают свое законное место в истории накопления и систематизации отечественных знаний о Монголии. Примерно то же самое, что было сказано выше о деятельности А.М. Позднеева как религиоведа и социолога религии, можно сказать о его деятельности по сбору, обработке и изданию образцов фольклора монголов. Вместе с публикациями Г.Н. Потанина по этой тематике его труды представляют богатейший источник для многих поколений будущих этнографов, филологов и фольклористов. Позднеев был одним из тех, кто искренне пытался понять “душу монгола”, выявить положительные черты характера и культуры этого народа, честно и без предубеждений познакомиться с его верованиями, обычаями, традициями. Эти качества, к сожалению, были присущи не всем исследователям Западной Монголии (как российским, так и зарубежным). Эта попытка взгляда на монгольскую действительность “изнутри”, без абсолютизаций и клише европоцентризма, привела к замечательным результатам, позволила Позднееву лучше, глубже, а главное – более адекватно воспринимать непривычные для европейца реалии, распознавать их значение и смысл. Это умение также составляет одну из больших заслуг А.М. Позднеева как ученого.

Глава 3. Русские исследователи Западной Монголии первой четверти XX в.

Выдающийся русский ученый Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860–1936 гг.), оставил заметный след в целом ряде областей знания. Результатом его почти полувековой деятельности явились около десятка капитальных монографий, более двухсот статей. Интересы Г. Е. Грумм-Гржимайло были настолько универсальными, а эрудиция – столь исчерпывающей, что трудно бывает подчас определить его собственный профиль как исследователя. Ныне, обращаясь к обширному наследию Грумм-Гржимайло, мы без труда видим три основные линии его творчества: физическую географию, историю и этнографию Монголии и Синьцзяна, но с полным правом его можно было бы назвать также

геологом, зоологом, антропологом, экономистом и даже журналистом в области международной политики в Азии, и прежде всего – в Западной Монголии.

Основным итогом этого периода деятельности Григория Ефимовича явилась публикация им трехтомной капитальной монографии “Западная Монголия и Урянхайский край”, представляющей собой, несмотря на название синтез всех познаний автора по истории и этнографии не только Джунгарии, но и всей Центральной Азии (и других областей Востока) и воплощение его основных методологических установок. Просто необъятное количество сведений, содержащихся в этих томах, организовано по прежнему принципу: соединение логического анализа с “энциклопедической” структурой текста. Этот классический труд можно назвать “сокровищницей критически переработанного материала по истории Монголии”. Первый том монографии, посвященный физико-географическому описанию региона, вышел в 1914 г. Второй и, наверное, самый известный том, содержащий исторические очерки Монголии и Средней Азии, был закончен в 1919 г. и издан в 1926 г. В 1930 г. в двух книгах вышел заключительный, третий том, на страницах которого, в основном, рассматривались вопросы этнографии и антропологии. Последовательность томов монографии в известной мере отражала последовательность смены научных интересов самого Грумм-Гржимайло. Мы можем сказать, что именно этот его труд дает наиболее полное, концентрированное представление об идеях и методах работы автора на протяжении без малого 50 лет. Несмотря на то, что творческое наследие Григория Ефимовича очень велико и разнообразно, специальных работ, посвященных ему, было не так уж много. Отчасти это объясняется спецификой работ самого Грумм-Гржимайло, чрезвычайно неоднородных в количественном и качественном отношениях, их экспериментальным характером, отчасти – резкой сменой научных школ и целых эпох в конце его жизни, как бы отделившей творчество Григория Ефимовича от последующих поколений востоковедов. Однако в любом случае значение его работ

в целом ряде областей нельзя переоценить. Это значение тем более велико, что Грумм-Гржимайло явил нам образец комплексного подхода в науке.

Григорий Ефимович был систематизатор по духу. Он стремился упорядочить абсолютно все сведения, касающиеся изучаемого им региона – Западной Монголии. В области географии это ему в значительной степени удалось, но в исторической части Григорий Ефимович столкнулся, по его собственным словам, с “трудой противоречивого и недоброкачественного материала”. В итоге он формулирует свои следующие задачи как историка: “взять на себя труд помочь ученым разобраться в некоторых наиболее запутанных вопросах истории Средней Азии”, т.е. “собрать, классифицировать и организовать все относящиеся к ней материалы”. Пытаясь выяснить значение данной работы в творчестве Грумм-Гржимайло, нужно помнить, что многие волновавшие его тогда проблемы не решены в науке до сих пор (генезис юэчжей, хунну; вопрос о “динлинах”), что затрудняет их оценку. Однако предварительные замечания сделать можно. Прежде всего, большая заслуга Григория Ефимовича состоит в том, что он одним из первых подчеркнул важность периода европеоидных (в основном, видимо, ираноязычных) кочевников в истории Монголии, своеобразие и культурную преемственность так называемых скифо-юэчжей. Скорее всего, он прав в том, что именно они принесли с собой с Ближнего Востока в глубь Азии начатки кочевого скотоводства, военного искусства, особых форм художественной культуры. Тесную связь обитателей Центральной Азии II – I тыс. до н.э. с Западным миром, которую так стремился отыскать Григорий Ефимович, ныне можно считать доказанной. Этот факт подтверждается большим количеством ставших уже классическими работ археологов, антропологов и искусствоведов: от М.И. Ростовцева и В.Ф. Минорского до В.П. Алексеева и И.И. Гохмана. Григорий Ефимович в самых общих чертах, верно, отождествлял европеоидный пласт в населении Центральной Азии с динлинами и юэчжами китайских источников, а также подмечал наличие этого

субстрата в составе енисейских кыргызов и ряда других тюркоязычных групп.

Поэтому, говоря в общем, можно сказать, что в области своих исторических исследований, так же как в географии (и даже еще более отчетливо), Григорий Ефимович оставил нам работы, ценные в основном своими формулировками новых проблем и нашупыванием первых путей их решения. Большая часть исторических сочинений Грумм-Гржимайло представляет ныне в основном библиографический интерес как энциклопедия тогдашних сведений о народах Монголии и Центральной Азии.

Эпоха археологического “открытия” Западной Монголии связана с именем Д.А. Клеменца. В 1889 г. Н.М. Ядринцев обнаружил в Северной Монголии знаменитые орхонские рунические памятники, и это событие стало отправной точкой для последующих археологических экспедиций в данный регион. Первой такой экспедицией стала финская экспедиция под руководством А. Гейкеля (1890 г.), а второй – Орхонская экспедиция под руководством академика В.В. Радлова, отправившаяся из Санкт-Петербурга в 1891 г. Её фундаментальные открытия, имевшие археологический и эпиграфический характер, ознаменовали собой наступление новой эпохи в исследовании Монголии. Правда, речь шла в основном о Северной Монголии (и по преимуществу об обнаружении новых памятников средневековой письменности). Однако в составе Орхонской экспедиции работал и отряд Д.А. Клеменца, в задачи которого входило изучение археологических остатков Западной Монголии. Деятельность этого отряда была разносторонней и заложила собой основы полевых исследований в Западной Монголии. Д.А. Клеменц и его сотрудники добились в ходе экспедиции больших успехов.

Резюмируя результаты деятельности Д.А. Клеменца как исследователя Западной Монголии, можно сказать, что они имели основополагающее значение именно в области археологии. Археологическая наука в XIX в. была далека от организации тех крупномасштабных и технически хорошо оснащенных экспедиций,

которые состоялись в Монголии в XX в. В связи с этим деятельность Клеменца в этой области можно охарактеризовать как пионерскую. Он первым широко применил научные методы археологического исследования, открыл и описал целый ряд памятников, заложил основы научных представлений об археологических культурах Монголии. Клеменц работал в “эпоху основоположников” – когда, например, только закладывались основы южносибирской археологии Теплоуховым, возникала археология Средней Азии, Кавказа и др. Его по праву считают одним из зачинателей изучения “древностей Монголии”. Работы Клеменца задали направление многих последующих поисков. Исследования развалин Каракорума и Харабалгасуна, памятников тюркской рунической письменности, керексуров и плиточных могил в дальнейшем всегда занимали важное место в работах монгольских и зарубежных археологов. Методологическая строгость Д.А. Клеменца, его умение анализировать и интерпретировать найденный материал стали образцом для последующих поколений археологов, работающих в Западной Монголии.

Один из выдающихся исследователей Западной Монголии начала XX в. был Борис Яковлевич Владимирцов.

Роль Б.Я.Владимирцова в изучении Северо-Западной Монголии и в истории монголистики невозможно переоценить. Именно его труды позволили, как писал академик В.М. Алексеев, совершить “решительный поворот от начетнического знания и его разновидной, хотя и однообразной, информации, составлявших сущность русской монголистики еще в недавние времена, к научной критике и формуле, что надо считать его основной миссией и наибольшей заслугой”. Творчество Б.Я. Владимирцова – рубеж, веха в истории монголоведческой истории. До Владимирцова монголоведение лишь пересказывало содержание источников (Н.Я. Бичурин, А.М. Позднеев), он же – основоположник периода осмыслиения и объяснения, содержащихся в этих источниках сведений, превративший благодаря этому монголоведение в подлинную науку. Творчество Б.Я. Владимирцова явилось основой

для всех последующих исследований в области монголистики и открыло период *критического* изучения истории ойратов уже на подлинно научном, комплексном уровне.

Действительно, работы Владимира, вершиной которых можно считать “Общественный строй монголов” (1934 г.) представляли собой совершенно новый этап в развитии монголистики вообще и в развитии исследований о Западной Монголии в частности. Специализированная направленность этих работ (Владимирцов занимался в основном филологией, этнографией и социологией), поставленная на широкую и прочную базу академической науки, в сочетании с опытом полевых исследований, сбором и обработкой различных материалов, дала в итоге блестящий результат. Владимирцов лишь на раннем этапе своей деятельности был по преимуществу путешественником-собирателем (вроде Потанина), затем он быстро перешел к практике систематического описания собранных им и другими исследователями данных (как Позднеев), а впоследствии – и к объяснению, интерпретации полученного материала, оформлению его в виде гипотез, концепций, схем. Предшественником его в этом смысле был Г.Е. Грум-Гржимайло, который все же оставался более систематизатором, чем критическим исследователем (вернее, сфера его критических исследований была по разным причинам гораздо более узкой, чем у Владимира). Таким образом, именно с трудами Владимира начинается подлинный переворот в отечественной науке о Западной Монголии. Характернейшей чертой этого переворота была окончательно утвердившаяся специализация проводившихся в ходе него и в дальнейшем изысканий, но специализация такого типа, которая могла привести к созданию “объясняющих” моделей, а значит – должна была опираться на весь комплекс имевшихся к тому времени знаний о Монголии, монголах и на методологию научного познания в целом. Иными словами, комплексность как форма проведения конкретных исследований (как “всеохватность”) ушла в прошлое, но ей на смену пришли специализированные исследования такого типа, которые опирались

на весь комплекс научных знаний как на необходимую предпосылку научного поиска. Исчезла комплексность как форма организации материала, но пришла комплексность как методологический принцип работы по сбору и, в особенности – по обработке (объяснению) этого материала. Владимирцов так же, как Козлов и Грумм-Гржимайло, застал период коренного преобразования всей российской жизни после 1917 г. Это в некоторой степени предопределило смещение его интересов из сферы исследования письменных памятников, фольклора и этнографии в сферу историографии и социологии, правда, тоже в основном базировавшихся на данных письменных памятников монгольского языка. Данная эволюция объясняется общим изменением приоритетов исследований в послереволюционный период. Опора на памятники монгольского письменного языка позже подвергалась критике рецензентами последней работы Владимирацова об общественном строе монголов. Эти критики указывали, что в письменных памятниках монгольское общество эпохи Чингис-хана представляло строго иерархизированным, политически жестко структурированным образованием, построенным по образцу ленов, выдававшихся за военную службу. Этот “литературный” облик монгольского общества XIII в. и позволил Владимирову объявить его феодальным, заявить о существовании “кочевого феодализма”, что не соответствовало действительности. Авторы критических рецензий подчеркивали, что на деле монгольское государство эпохи Чингис-хана было далеко от того, как его изображали в памятниках, что оно представляло собой типичное кочевое политическое образование, эфемерное и не способное существовать без аннексии территорий с оседлым населением. Думается, эти критики не совсем правы. Владимирцов избегал в своей работе прямолинейных выводов: он предпочитал говорить о наличии некоторых “феодальных” тенденций в эпоху Чингис-хана, а не о сложении зрелого феодализма как такового. А подобные тенденции, что признается большинством исследователей, действительно имели место. Поэтому наблюдения Владимирацова, сделанные им в его

последней книге, остаются цennыми и полезными для монголистики и по сей день. Они положили начало широкой и плодотворной дискуссии о путях формирования кочевой государственности, которая проходила в советской науке в 1930-1970-е гг.

В *заключении* подводится общий итог проделанной работы, формулируются основные выводы исследования и намечаются перспективные исследования данной темы в дальнейшем.

По теме диссертации вышли в свет следующие публикации:

1. Задваев Б.С. Значение трудов Г.Е. Грумм-Гржимайло в географическом, этнографическом и историографическом аспектах // Altaica. IX. М.: Институт востоковедения РАН, 2004. С. 37-50;
2. Задваев Б.С. Российские исследователи и путешественники в Западной Монголии // Международная научная конференция «Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Актуальные проблемы и перспективы. К 150-летию Восточного факультета СПбГУ. 4-6 апреля 2006 г.» Материалы и тезисы / Отв. ред. Н.Н. Дьяков. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 193-194;
3. Задваев Б.С. Тюркоязычные этносы Северо-Западной Монголии в трудах российских исследователей и путешественников // Там же. С. 301-302.